

В. ПЕРЦОВ.

Маяковский — патриот социалистического отечества

(К одиннадцатой годовщине со дня смерти поэта)

Советский читатель, любящий настоящую большую поэзию наших героических лет, высоко ценит замечательное творчество В. В. Маяковского. В произведениях «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», как назвал о Маяковском товарищ Сталин, читатель находит целый мир социалистических идей и чувств. Этот мир открывают в поэзии Маяковского и новые граждане молодых областей и республик СССР. Получая впервые советский паспорт и вспоминая свое недавнее прошлое, они с особым воодушевлением могут повторить слова Маяковского:

С каким наслаждением
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.

«Стихи о советском паспорте» стали любимым поэтическим выражением гордости гражданина СССР за свое отечество. Написанные в последний год жизни Маяковского, они как бы венчают одну из важнейших тем всего его творчества — тему советского патриотизма.

«...Мы должны, — говорил М. И. Калинин в своем докладе московскому партактиву «О коммунистическом воспитании», — воспитать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей родине. Я говорю не об отвлеченной, не о платонической любви, а о любви напряженной, активной, страстной, неутомимой, о такой любви, которая не знает никакой пошлости к врагам, которая не остановится ни

перед какими жертвами во имя родины».

В качестве образца выражения патриотических чувств в искусстве, образца служения советскому народу М. И. Калинин в своем докладе приводил творчество Маяковского.

В старой России, где господствовал «его преподобие» капитал, поэт чувствовал себя чужим. «Я не твой, снеговая уродина» — говорил он, обращаясь к старорежимной, кондовой, низкопоклонной Руси чиновников и купцов, помещиков и фабрикантов, опоганивших великое слово «Родина». С неслыханной силой бросил он в лицо «патриотов», отсиживавшихся в тылу во время мировой войны и наживавшихся на военных спекуляциях, свое негодование полнокровного сына родины, которому больно и стыдно за свое истерзанное, крестовавшееся отечество:

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
А в поэме «Война и мир», которую он писал для журнала А. М. Горького и которую царская цензура не пропустила, Маяковский называл калекой империалистической войны «огрызками» кровавого обела международной буржуазии:

Никто не просил,
чтоб была победа
родине начертана.
Безрукому огрызку кровавого обела на чорта она?!

Но едва власть в России перешла к победившим рабочим и крестьянам, Маяковский сразу ощутил интересы социалистического государства, как свои кровные интересы, и его победу, как свою собственную. Неудовлетворенная ранее любовь поэта к родине стала деятельной, напористой, страстной и

неукротимой. Проявления этой любви — не только в его больших стихах и поэмах, ставших величественными памятниками мыслей и чувств революционного народа, но и в повседневных заботах о благе родины, в помощи ей агитационным словом — частушкой, лозунгом, плакатом, газетным фельетоном на злободневную тему.

«Пусть вспоминают лирики стихи, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла», — писал Маяковский, объясняя творческое значение своей агитработы в РОСТА (Российском Телеграфном Агентстве).

Огненный темперамент бойца революции не позволял ему замкнуться только в работе над книгой и толкал на участие своим поэтическим словом в повседневных боях за социализм. Он владел одинаково хорошо всеми видами литературного оружия — от пафоса до юмора и сатиры, от поэмы до частушки. Весь этот грозный арсенал слова он отдал на идейное вооружение родины:

Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.

Размах, гибкость и оперативность литературной работы Маяковского поразительны. В годы гражданской войны эти особенности его дарования были неопенимы. Он пишет близкие пониманию рядового красноармейца и самого отсталого крестьянина нравоучительные сказки и рассказы, агитационная действенность которых очень велика, потому что назидательный тон их не назойлив, «утеплен» шуткой, юмором: «Рассказ о том, как из-за пугавицы голова пропадает дешевле луковицы» или —

«Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника».

И в то же время он создает общенный грандиозный образ всей земли, расколотой гражданской войной, образ великого русского народа, поднявшегося первым на борьбу за счастье всего человечества. Поэтому «150.000.000» он выпускает в 1921 году без указания имени автора. «150.000.000 мастера этой поэмы имя» — провозглашает он во вступлении. Он стремится слить с революционным народом не только содержание, но и форму своего нового произведения — не случайно первоначально оно называлось «Былина об Иване». Поворот Маяковского к народному языку, образам и жанрам, который происходит в его творчестве после революции, отражает его стремление дойти до самых широких масс. В поэме «150.000.000» он использует, переделывая на свой лад, народно-песенные размеры и широко применяет фольклорные ритмы:

Русских
в город тот
не везет паром,
не для нас дворцов этажи.
Я один там был,
в барах ел и пил,
попивал в барах с янками джиги.

Сюжет поэмы рисует сказочное столкновение советского богатыря Ивана — ста пятидесяти миллионов рабочих и крестьян — с коллективным воплощением мирового капитализма в образе американского президента Вудро Вильсона. Империализм душит русский народ голодом и разрухой, блокадой и эпидемиями, высылают против него войско яловитых идей. Победа Ивана дается нелегко.

Своей огромной верой в народ, своей болью за его лишения и жертвы, уважением к незаметным героям, обеспечившим торжество революции, Маяковский настраивает читателя на высокий патристический лад.

В поэтической работе Маяковского общественный темперамент сочетается с верным политическим чутьем, которое оценил Ленин в

стихотворении «Прозаседавшиеся». Окрыленный похвалой Ленина, Маяковский «во весь голос» развернул свою деятельность поэта-гражданина.

В комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, вернувшись в Москву из заграничных странствий, на вопрос Софьи «Где ж лучше?» — отвечает:
Когда ж постраствуешь,
воротиться домой,
И дым отечества нам сладок
и приятен!

В своих заграничных поездках Маяковский сердцем не расставался с любимой социалистической родиной. «Дым отечества», самый воздух, «разреженный дважды грозой двух революций», был приятен ему. И с запасом этого воздуха в своей широкой грудной клетке он обогатил чуть не весь земной шар. Технические достижения капитализма он сумел при этом трезво оценить, но еще острее понял, что забота о человеке, неведомая капитализму, составляет душу, гордость социалистического строя. И он писал:

Я в восторге
от Нью-Йорка города.
Но
кепчонку
не сдеру с виска.
У советских
собственная гордость:
на буржуев

смотрим свысока.
В самом деле, что стоило даже такое чудо американской техники, как Бруклинский мост, которое влюбленно и с гордостью за творческие возможности людей созерцал Маяковский, по сравнению с действительным чудом нашей борьбы и труда? —

Нами
через пропасть
прямо к коммунизму
перекинут мост,
длиною —
во сто лет.

Хозяйским глазом, уважительно, но и критически осматривая он постоимчивости буржуазной техники и культуры, прикидывая, как и что нужно будет использо-

вать после победы мировой революции. Все-таки тоска по родине хватала за сердце:

Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,

гнить мне
и ржаветь?
И подтрунивая, по обыкновению, над самим собой, над своей «сентиментальностью», — черта, которая придавала такую чистоту и подлинность выражению его самых глубоких чувств, он прощался с любимым Парижем —
Я хотел бы
жить

и умереть в Париже,
Если б не было
такой земли —
Москва.

Маяковский был русский человек, родившийся и проводивший юные годы своей жизни на Кавказе, в кипящем котле национально-революционной борьбы против русского самодержавия. Он говорил о себе, что он «по рождению грузин». Вместе со своими товарищами грузинами, еще острее переживая за них уколы национального самодушия, он ненавидел взбесившихся в 1905 году великодержавных российских шовинистов. Но когда уже в советских условиях он подметил проявления национализма в некоторых кругах грузинской и украинской интеллигенции, он с искренним огорчением воскликнул, обращаясь к юношеству всей нашей многонациональной родины:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им

разговаривал Ленин.
Осенью 1927 года Маяковский впервые прочитал своим литературным друзьям поэму «Хорошо!», написанную им к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Идея, созревшая в боевой практике поэта-трибуны, идея любви к родине олухотворила эту гениальную поэму. Самое название «Хорошо!» звучало взвол-

нованным счастливым восклицаньем человека, вздохнувшего полной грудью. Но, несмотря на то, что именно в этой идее заключался прямой и глубокий смысл нового произведения Маяковского, это не сразу было понято многими, в частности многими литераторами. Маяковский чувствовал и думал, опережая других, угадывая развитие чувств и дум народа. Понадобилось время, чтобы вместе с подъемом патриотической волны оказалась вознесена в народном сознании и великая патристическая поэма Маяковского.

Первый в советской поэзии Маяковский заставил заново снять слова «родина», «отечество». Он возвел жертвенную любовь к родине. В своей поэме, обращаясь к именовавшим себя патристами российских буржуазным эмигрантам, он писал:

Слушайте,
национальный трутень, —
День наш
тем и хорош, что труден.
Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

Такой песней «бед, побед, буден» и стала поэма «Хорошо!». Своими вдохновенными образами не только достижений, но и трудностей нашего исторического пути она вливает изумительное настроение веры в будущее. И вся поэма Маяковского звучит поэтической призывной силой на верность матери-родине.

...землю,
которую
завоевал
и полуживую
вынынчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,
где каплей
льешься с массами, —
с такой
землю
тойлешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерти!